

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БИБЛЕЙСКОЙ ОБРАЗНОСТИ В ДРАМАХ В. ШЕКСПИРА

М.Ю. Фигурнова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198
m.j.f_88@mail.ru

Е.А. Паймакова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198
e.paymakova@gmail.com

Статья посвящена функциональному аспекту библейской образности в драмах В. Шекспира. В статье рассматриваются функции языковых образных средств в самой Библии (номинативная, иллюстративная, описательная, усилительная, экспрессивная, объяснительная, затемняющая, эвристическая/когнитивная, реминисцентная, связующая, интегрирующая, символическая) и особенности функционирования библейских образов в шекспировских трагедиях, комедиях и проблемных пьесах, где помимо аллюзивно-иллюстративной, коннотативно- и подтекстоформирующих функций выделяются драматическая, функции формирования сюжета и основных идей. Особо подчеркивается **моделирующая** роль библейской образности по отношению к последующим текстам, где образы Библии используются в качестве порождающей модели. В статье также освещена роль образности в создании амбивалентности, основные ситуации и мотивы, генерирующие образность.

Ключевые слова: аллюзия, библейская образность, Библия, интекст, интертекстуальность. образные средства языка, символ, цитирование, Шекспир, функциональный аспект

ВВЕДЕНИЕ

Образные средства в Библии, как и в художественных текстах, выполняют разнообразные функции. Иногда — несколько функций одновременно. Наблюдая за их проявлениями и переплетениями в библейском тексте, мы выделим и проанализируем наиболее, на наш взгляд, характерные: это номинативная, иллюстративная, описательная, усилительная, экспрессивная, объяснительная, затемняющая, эвристическая/когнитивная, реминисцентная, связующая, интегрирующая, символическая функции.

ОПИСАНИЕ И АНАЛИЗ ФУНКЦИЙ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ТЕКСТАМ В. ШЕКСПИРА

Прежде всего, явно различима *номинативная* функция библейской образности. Носителями этой функции являются прямая метафора и троп типа «квази-тождество» (N_1 is N_2). С их помощью невыразимые иными средствами божественные явления получают название, а нуждающиеся в выделении явления и предметы действительности обретают новое имя, точнее отражающее их суть, e.g.:

With joy shall we draw water out of the wells of salvation (Isa., XII, 3).

The wholesome tongue is a tree of life (Prov., XV, 4).

A bundle of mirth is my well beloved unto me (Song, I, 13).

Чаще всего, однако, библейские авторы выбирают описательные средства для образной характеристики явления. Функцию, которую при этом выполняет

образное средство, можно назвать *дескриптивной*. С этой ролью лучше всего справляются эпитеты и предметные сравнения (a wounded spirit, brave as a lion).

Ситуативные сравнения, иногда перерастающие в параболы (e.g. евангельские притчи о Царствии), выполняют сходную — *иллюстративную* — функцию:

Then shall the Kingdom of heaven be likened unto ten virgins, which took their lamps and went forth to meet the bridegroom (Matt, XXV, 1).

Носителем *эмотивной* или *усилительной* функции может быть (и часто бывает) любое образное средство. Но первенство в этой роли принадлежит гиперболе: “he will rain snares on the wicked”.

Большинство образных средств в Библии, выражая важные и сущностные свойства предметов и явлений, передавая и возбуждая при этом определенные сильные чувства и переживания, выполняют, таким образом, *экспрессивную* функцию. Экспрессивный и усилительный эффект может достигаться также за счет конвергенции подобных или различных образных средств, отражающих одно явление.

Амбивалентную пару образуют *объяснительная* и *затемняющая* функции образа. «Язык есть просветляюще — утаивающее явление самого бытия» (М. Хайдеггер) [см. 3]. Особенно эта амбивалентность заметна, когда, объясняя на доступном людям простом образном языке Небесное и Человеческое, Христос одновременно затемняет сокровенные смыслы от не готовых принять их, «говоря притчу» и надеясь, что «имеющий уши да услышит».

Следующую функцию образности используют те авторы Писания, основной целью которых являются поиски истины, они ищут и находят метафоры и сравнения, характеризующие Бога, его действия, истинное и ложное в человеческой жизни. Помогаящие им в этом образы выполняют свою *эвристическую* или *когнитивную* функцию (книги Иова, Послание апостолов) — “I am a sea?” (Job.).

Образы переходят из одной книги Писания в другую, заимствуются, сохраняя при этом «воспоминания» о предыдущих контекстах в виде коннотаций, указаний на прошлые референты. Таким образом, подтверждается пророческий характер более ранних высказываний, ссылка на авторитет напоминает о традиционной правомерности именно такого образного отражения истины. Это *реминисцентная* функция образа: “the lamb of God”, “table of our hearts”: «Текст вообще не существует сам по себе, он неизбежно включается в какой-либо (исторический или условный) контекст. Текст существует как контрагент внетекстовых структурных элементов, связан с ними как два члена оппозиции» [1. С. 204]. «Художественная конструкция строится как протяженная в пространстве — она требует постоянного возврата к, казалось бы, уже выполнившему информационную роль тексту, сопоставление его с дальнейшим текстом... *Универсальным структурным принципом поэтического произведения является принцип возвращения*» [1. С. 89].

Предыдущая функция является основой для следующей — *связующей* (*когерентной*) функции образности. Многократно повторяясь, претерпевая дополнение и развитие, употребляясь в различных ситуациях применительно к разным референтам, образуя лейтмотивы, образные средства создают ощущение единства и постоянства Божественного Откровения во все времена, а также преемствен-

ности в способах его восприятия и средствах отражения. Эта функция является основой традиции библейского изложения и вместе с *интегрирующей* функцией объединяет отдельные книги в единую Библию.

Рассмотрим особо еще одну функцию библейской образности — *моделирующую*. Она распространяется как на функционирование образов в самой Библии, так и за ее пределами — в качестве принадлежности христианской культуры вообще.

В данном случае под моделью мы подразумеваем образец, пример, прецедент. Так образы более ранних книг Ветхого Завета подхватываются более поздними, а также получают новую жизнь в Новом Завете.

Моделирующая функция заключается не столько в повторении, воспроизведении уже известных образов, сколько в создании образных средств путем наполнения существующих структурных моделей новым содержанием. В этом смысле библейский образ можно назвать *порождающей моделью*.

Очевидно, что переводы Библии обогащали образный язык культур, становившихся христианскими. Библейские реалии существенно расширили спектр агентов образных средств, пригодных для использования в поэтическом языке.

Библейские образы заимствовались для употребления в сходных и совсем иных контекстах — для иллюстрации, аллюзивного проецирования, формирования сюжета, выстраивания подтекста на всем известной библейской основе. Но и без прямой ссылки на Библию поэты и писатели пользовались арсеналом принципов построения образных средств, их функциональных возможностей, способов их развития, сочетания, варьирования, разработанным и представленным в библейских текстах.

И наконец, наиболее важной представляется нам *символическая* функция образов в Библии, то есть способность отдельных библейских образных средств, обозначая невыразимые иными средствами понятия и обладая свойством многозначной «полнозначности», становиться универсальными для христианской культуры символами, например: чаша, змий, голубь, источник и т.п. Многие из наиболее известных символов имеют корни еще в добиблейской традиции.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ БИБЛЕЙСКОЙ ОБРАЗНОСТИ В ШЕКСПИРОВСКОЙ ТРАГЕДИИ, КОМЕДИИ И ПРОБЛЕМНОЙ ПЬЕСЕ

Выделенные в библейских текстах функции образности свойственны и шекспировской образности, в том числе ее библейской составляющей. При этом библейские образные средства, являющиеся носителями не только определенного образа, но и аллюзивной информации с характерной коннотативной окраской, привлекаются Шекспиром в свой текст с дополнительной целью — дать предмету, человеку или явлению характеристику более емкую, с точки зрения смысла, обогащенного возникающими ассоциациями, порой неоднозначными, даже противоречивыми. Так при экономии средств достигается расширение смыслового фона, углубление смысловой перспективы описываемой ситуации.

Одновременно реализуется одна или несколько исходных образных функций (например, номинативная, дескриптивная, иллюстративная, эмотивная, экспрессивная).

Если библейский образ участвует в решении драматических задач, то помимо присущей ему аллюзивной функции и полученных в новом контексте локально-ситуативных функций, он выполняет и функции драматические (связующую, интегрирующую, реминисцентную, символическую).

Очевидно, что функциональная нагрузка библейского образа значительно больше, чем рядового шекспировского, который тоже почти всегда полифункционален.

Так, И.П. Смирнов пишет следующее относительно использования автором интертекстуальных включений в своих целях: «Самый выбор писателем тех или иных интертекстуальных операций корреспондирует с содержанием того сдвига, которым художественный текст подытоживает развертывание архетипической темы. По ходу переработки элементы предшествующих текстов приводятся в такой порядок, который отвечает финальной идее создаваемого произведения. Тематическое задание литературного произведения интертекстуально связывает в смысловое целое результаты интертекстуальных операций. Имеющие универсальный, безличный характер операции получают тем самым конкретную функцию, определяемую аргументом, посредством которого младший писатель заново мотивирует архетипическую смысловую связь» [4. С. 66].

Поэтому полагаем, в каждой из драматических форм (трагедия, комедия, проблемная пьеса) функции библейских образных заимствований будут подчинены их специфическим идейным и драматическим задачам.

Так, У. Найт в эссе “Mystic Symbolism” [7. С. 65] подразделяет поздние пьесы В. Шекспира на три группы:

- 1) пьесы «страдания и интеллектуального отчаяния» (например, «Гамлет»);
- 2) пьесы «трагического величия», «печальные внешне, но внутренне сильные своим мистическим оптимизмом» («Король Лир»);
- 3) особая группа пьес, в которых «трагическая тема развивается в направлении, противоположном естественной логике человеческой жизни и венчается счастливым концом» («Перикл», «Зимняя сказка»).

По мнению Найта, более ранние из этих драм имеют «универсальное трагическое значение», а финальные пьесы — «универсальное мистическое значение»: «они символически репрезентируют воскресение того, что казалось умирающим». Инструментами для реализации этих значений становятся вполне определенные библейские доктрины, сюжеты, образы.

П. Милвард [11. С. 87] отмечает, что в комедиях Шекспир обращается к текстам книг Бытия, Матфея и Послания к Ефессянам, рассматривающим проблемы брака, семьи; в исторических Хрониках — к книгам Самуила (Царств), где королевская власть определяется как священный институт; «Великие трагедии» основаны на историях Падения Адама и Страстей Христовых; проблемные пьесы — на учении апостола Павла о грехе и спасении, последние пьесы — на учении Христа о прощении и проповеди Павла о новой жизни во Христе.

Р.К. Хассел указывает, что «ключевые моменты в шекспировских романтических комедиях обозначены легко узнаваемыми аллюзиями на учение Святого Павла» [6. С. 371], особенно общеизвестным сопоставлением божественной и че-

ловеческой любви, религиозной веры и любовной верности. Шекспир пользуется материалами из Посланий Апостолам также для оформления своей «концепции индивидуального действия, направленного на духовное возрождение» и «идеального общества», реализуемой в комедийной модели [6. С. 378].

Б.К. Левальски добавляет, что «использование романтической любви в качестве символа любви божественной является общим местом в мистической литературе и берет свое начало в Песне Песней Соломона» [9. С. 337]. Указанное уподобление является лейтмотивом в романтической комедии.

Особые функции выполняют намеренно трансформированные библейские интексты и пародийные искажения Писания. Более всего они характерны для речи шекспировских злодеев и шутов. В трагедии они выполняют серьезную функцию — извращенные слова Писания или произнесенный без изменения, но устами отрицательного персонажа библейский образ усиливают пейоративную характеристику богохульствующих злодеев.

Основанные на библейской аллюзии каламбуры шутов и шутки (иногда непристойные) комедийных героев производят комический эффект, особенно в неконгруэнтном контексте. Защищая от пуританской критики использование библейских цитат в речи шекспировских шутов, П. Милвард пишет «Их слова могут звучать глупо и пародийно, однако высшая истина чаще глаголет их устами, чем устами более мудрых персонажей» [11. С. 89].

Учитывая определение знака в искусстве как понятия «строго функционального», как «пучка функций» и то, что «в искусстве обозначаемое (содержание) передается всей моделирующей структурой произведения, то есть текст становится знаком, а составляющие текст единицы — слова... становятся элементами знака» [1. С. 64], можно следующим образом описать суть процесса функционирования библейских элементов (знаков) в новых текстах: «знак или его смыслообразующий элемент может одновременно проектироваться на несколько (или на множество) фонов, становясь в каждом случае носителем различной семантики... Знак и фон образуют релевантную пару».

Итак, библейские образные средства в пьесах Шекспира представляют собой набор функций, в который входят как функции, присущие образности вообще, так и свойственные интертекстуальным включениям — аллюзивно-иллюстративная, коннотативно- и подтексто-формирующая, а в некоторых пьесах, как мы видели — функция формирования сюжета и основных идей.

БИБЛЕЙСКИЕ ВКРАПЛЕНИЯ В ПОЗДНИХ СОЧИНЕНИЯХ В. ШЕКСПИРА. ДРАМАТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ

В более поздних, зрелых произведениях Шекспира ощутимо различается присутствие одной или нескольких книг Писания, порой формирующих основу сюжета, ведущие идеи и мотивы всей пьесы [см. 11]. В «Гамлете», например, это книга Иова (хотя значительное количество библейских образов заимствовано из книг Исаяи, Иеремии, Псалмов, Притчей, посланий к Коринфянам и Римлянам). Для «Короля Лира» определяющим является тот же Иов и притча о Блудном Сыне.

В основе сюжета «Отелло» видны три библейские истории: Падение Адама (Отелло — Адам, Дездемона — Ева, Яго — Сатана), Каина и Авеля (пролитие невинной крови) и предательства Иуды (как в образе Яго, так и в образе Отелло).

При разборе особенностей шекспировской образности В. Клеменом у нас не раз возникали ассоциации с подобными свойствами образности библейской. Так, например, метафорическое *выражение абстрактного через конкретные образы* у Шекспира (например, Гамлет пользуется образами, заимствованными из повседневной жизни: обихода, ремесел, наук, развлечений [5]) соответствует характеру образности Христа, чье учение «облечено в конкретные поэтические фигуры: лоза, смоковница, урожай, стада, птицы, еда, питье, одежда, деньги, свадебное застолье» [7. С. 71].

Драматическая функция образности у Шекспира тоже вряд ли изобретена им самим, ибо она отчетливо прослеживается в библейской истории, когда реальный предмет, явление или событие из Ветхого Завета становится метафорой в Новом (скрижали, жертвенный агнец) или, когда в книгах Пророков образно пересказываются будущие реальные катаклизмы и Пришествие Мессии, а образы Евангелия (Книга Жизни, Блудница, геенна огненная, Царствие и др.) становятся «реальностью» Апокалипсиса.

Образность как излюбленное шекспировское средство создания амбивалентности выполняет эту функцию и в Библии (одновременно объясняющие и «затемняющие» образы притчи). То, что Шекспир (в поздний период), по выражению Клемена, «только намекает, подсказывает, указывает на вещи и редко открыто называет их» [5. С. 90], справедливо и в отношении Христа.

Прием персонификации — с помощью глагольной метафоры — также является перенятой Шекспиром библейской моделью. Особенно заметно сходство *способа порождения образности* у Гамлета и библейских пророков: «Когда он начинает говорить, образы текут потоком, без малейшего усилия, — не как сравнения или сознательные парафразы, но как непосредственно и спонтанно возникающие видения... он визионер, ясновидящий, для которого вещи этого мира олицетворяют и символизируют мысль» [5. С. 106]. Этот поток видений и способ фиксации их с помощью образов Б. Пастернак назвал «скорописью духа» [2. С. 552].

Исходя из того, что «образы появляются в драматически значительные моменты и помогают усилить и возвысить внутренние переживаемые события, одновременно трансформируя в поэтическую картину внешние элементы ситуации» [5. С. 222], Клемен придает большое значение набору ключевых драматических ситуаций и мотивов, которые генерируют наибольшее количество образов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наблюдения позволяют нам определить основные ситуации и мотивы, генерирующие образность в Библии. Это ситуации видений/пророчеств, обвинения/обличения (грешников, врагов), молитвы (хвалебной, покаянной), проповеди, философских размышлений на духовную тему, выражение любовного восхищения (песнь). Основные мотивы — Пришествие Спасителя :: конца света, жизни :: человеческой брэнности :: смерти :: вечной жизни, Царствия Небесного :: геенны огненной, греха :: покаяния :: праведности, взаимоотношений человека с Богом,

с ближним (Церковь), суда, прощения, любви, радости. Все эти мотивы присутствуют и у Шекспира и провоцируют (особенно в драматической форме монолога) как рождение его оригинальных образов, так и заимствование им библейских образных средств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Лотман Ю.М.* (1994). Лекции по структуральной поэтике [*Lotman Yu.M. Lectures on structural poetics*]. М.: Гнозис.
- [2] *Пастернак Б.Л.* (1980). Замечания к переводам из Шекспира [*Pasternak B.L. Notes to translations of Shakespeare*] // Зарубежная поэзия в переводах Б.Л. Пастернака / Сост. Е.Б. Пастернак, Е.К. Нестерова. М.: Радуга. С. 549—568.
- [3] *Мечковская Н.Б.* (1998). Язык и религия. [*Mechkovskaya N.B. language and religion*]. Пособие для студентов гуманитарных вузов. М.: Агентство «ФАИР».
- [4] *Смирнов И.П.* (1995). Порождение интертекста (элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака) [*Smirnov I.P. Generating intertext (elements of intertextual analysis on the examples of B.L. Pasternak's works)*]. СПб.
- [5] *Clemen W.H.* (1967). The Development of Shakespeare's Imagery. London.
- [6] *Hassel R.Ch.J.* (1971). Saint Paul and Shakespeare's Romantic Comedies. Pauline allusions // *Thought* 46. P. 371—378.
- [7] *Knight G.W.* (1967). Shakespeare and Religion: Essays of Forty years. London.
- [8] *Knight G.W.* (1960). Shakespeare's Imagery. London.
- [9] *Lewalski B.K.* (1962). Biblical Allusion and Allegory in the Merchant of Venice // *Shakespeare Quarter* by 13.
- [11] *Milward P.* (1987). Biblical Influences in Shakespeare's Great Tragedies // *Catalogue of echoes, critical discussion: Indiana University Press*.
- [12] *Milward P.* (1975). Biblical Themes in Shakespeare Centering on King Lear. Tokyo: The Renaissance Institute.
- [13] *Milward P.* (1974). Shakespeare's Religious Background. London: Sidgwick and Jackson, Bloomington: Indiana University Press.

FUNCTIONAL PECULIARITIES OF BIBLICAL IMAGERY IN SHAKESPEAREAN DRAMA

M.Yu. Figurnova

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10-2, Moscow, Russia, 117198
figurnova_myu@pfur.ru

E.A. Paymakova

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10-2, Moscow, Russia, 117198
paymakova_ea@pfur.ru

The article is devoted to the functional aspect of biblical imagery in Shakespearean drama. It deals with the functions of imagery in the Bible itself (e. g. nominative, illustrative, descriptive, emotive, emphatic, expressive, explaining, veiling, cognitive, reminiscent, cohesive, integrative, symbolic etc.), as well as

the functional peculiarities of biblical images in Shakespeare's tragedies, comedies and problem plays, where besides the allusive and illustrative functions they also form connotations, subtext, sometimes — the plot and the main ideas. Specifically emphasized is the **modeling** function of biblical imagery in the consequent texts, where the images from the Bible serve as a model for imagery coinage. The article also covers the role of biblical imagery in creating ambiguity, along with the major situations and motives generating imagery.

Key words: allusion, biblical imagery, Bible, functional aspect, imagery, intertext, intertextuality, quotation, symbol, Shakespeare